

Глава 28. Гнев

«Что? Повтори еще раз!»

«Я... Я боюсь...» - промямлил Лейген.

В его сознании в настоящее время преобладали страх и смятение относительно того, как такой сильный человек, который мог нести две огромные сумки всего за час до этого, внезапно перестал двигаться. Сиранос был самым сильным в группе, но он умер именно так. Несмотря на то, что Лейген был сиротой и видел достаточно много ужасного, такое холодное, бесчувственное насилие было за пределами его воображения.

Смерть Сираноса заставила Лейгена почувствовать небывалый страх перед орками. Его единственная надежда была в том, что все это было кошмаром, от которого он скоро проснется. Но как бы сильно он ни закрывал глаза, все равно чувствовал запах крови. Он отчаянно хотел сбежать. У него больше не было ни малейшего мужества противостоять ужасающим оркам.

Бах! Курдак дал ему пощечину. Он смотрел на сникшего юношу с ненавистью и разочарованием.

«Повтори что ты сказал! - он рычал, как лев, готовый наброситься, - давай! Скажи, что ты боишься! А помнишь лес серебряной луны?! Без нас, ты бы уже был просто селезенкой на чьем-нибудь копыте! А вчера я спас тебя от удара долбанного кровавобагряного медведя! Но ты говоришь мне, что у тебя нет мужества?! Посмотрим, осмелишься ли ты снова сказать такую бесстыдную вещь! Черт побери, на такого человека возлагает большие надежды Великие Лунные Тени?! На такого слабака, как ты?! Даже если мы спасли твою жизнь дважды, ты смеешь говорить мне, что ты боишься делать то же самое, когда мы в беде!? Не смей отворачиваться от нас!»

Накал Курдака повышался с каждым новым словом. Он ударил Лейгена в подбородок, отправив его в полет.

Лейген пополз на коленях обратно к Курдаку, истошно вопя:

«Босс, ударь меня еще! Я это заслужил! Но даже так, я боюсь! Я боюсь смерти! Сиранос умер вот так, и ему удалось убить только трех орков. И еще больше десяти осталось! У меня действительно нет смелости! Это самоубийство! Я всего лишь маленький мальчик, сирота, я не герой и не легенда! У меня нет их мужества. Я далек от непобедимости, как они! Я просто бесполезный сирота, который никому не нужен! Мне только едва удалось выбраться из трущоб. Я не хочу умирать! Ааааа!»

Его нос уже начал кровоточить. Кровь, смешивалась с грязью и непрерывными слезами, все его лицо казалось таким же грязным, каким оно было, когда он еще был в трущобах.

Курдак холодно посмотрел на него и увидел красноватый отпечаток ладони слева от его лица, носившее выражение, полное стыда и страха.

В конце концов он начал смягчаться в отношении 15-летнего юноши.

Бьюсь об заклад, я был бы похож на него в этом возрасте. Как я могу возлагать на него такие большие надежды?

Успокаивая себя, Курдак вздохнул и осторожно помог Лейгену.

«Хорошо, Лей. Это было мое плохое я. Я не должен был на тебя нападать. Мне жаль».

«Босс, это моя вина... Я... Я трус».

Он, наконец, понял боль, которая мучила Веру после стольких лет. В то время как чувство отказа от кого-то, о ком заботишься, не было таким болезненным, как от кого-то с кем ты имел родственную душу. Даже так, Лейген не мог набраться храбрости, чтобы столкнуться с орками.

Курдак слегка сжал плечо Лейгена.

«Это действительно очень опасно. Сомневаюсь, что у меня получится, пойдешь ты со мной или нет. Поскольку ты еще молод, я могу понять, почему ты не хочешь рисковать своей жизнью».

«Босс...» - Лейген запнулся, но все-таки продолжил.

Он хотел убедить Курдака тоже сдаться, но он знал, что не сможет. Он уже действовал трусливо. Какое право он имел просить Курдака сбежать с ним? Смогут ли они действительно оставить Веру беспомощной и одинокой? Это была огромная дилемма, на которую у него не было удовлетворительного ответа.

«Ты не должен отговаривать меня от этого, - сказал Курдак с улыбкой, - Вера — женщина, на которую я имею кое-какие виды. Я должен сделать это несмотря ни на что».

«Босс ... мне ... мне жаль ...» - Лейген понятия не имел, что ему делать.

С одной стороны, он ненавидел собственную трусость, с другой - боялся потерять жизнь не меньше, а может и больше. Он был в полной растерянности, что выбрать. Оба варианта приводили к одинаково удручающим результатам.

«"Можешь сделать мне одолжение? Помоги мне похоронить Сираноса и жди меня обратно в Метеоритном Городе». Если я не вернусь через десять дней, доложи о нашей смерти Ассоциации. Они разберутся со всем остальным». Курдак уже готовился к худшему.

Когда Лейген услышал это, он зарыдал еще больше. Курдак обнял его и тихо прошептал ему на ухо.

«У каждого есть то, за что они будут бороться, даже если это будет стоить им жизни. В противном случае жизнь была бы слишком жалкой».

Курдак на него больше не смотрел. Он молча повернулся, чтобы уйти.

Видя, как его силуэт исчезает, Лейген чувствовал, что он шагает вперед, но просто не мог сдвинуться с места, независимо от того, сколько раз он пытался.

После того, как Курдак полностью исчез, он повернулся к телу Сираноса. Он очистил свое лицо водой и сделал его ранам простую перевязку, несмотря на то, как это было мучительно. Это позволяло похоронить Сираноса хоть с маломальскими почестями. Закончив, он огляделся и никого не увидел, только три трупа орков. Все было так, как было раньше: он снова был один.

Так что он опять оказался в полном одиночестве.

Он начал вспоминать время, проведенное в Лэнсе. Лица Ганса, третье лицо в командовании,

капитан, Эймон, Лори и лицо Килрика мелькнули в его голове. Они все смотрели на него с насмешкой, как будто они смотрели на самый отвратительный вид мусора.

Он думал о Курдаке, Вере, и теперь о погибшем Сираносе. Они всегда были так серьезны и дружелюбны по отношению к нему. Однажды он почувствовал, что после Эйрин и старика он нашел новых партнеров. Сразу трех. Но теперь он только что потерял Сираноса, а судьба Веры и Курдака была в лучшем случае неопределенной. Он собирался потерять все, что у него было, и снова остаться один.

«Это действительно то, чего я хочу?»

«Определенно нет!» - заревел он, когда из глубины его души вышел поток первобытных эмоций. Старик был мертв, а Эйрин пропала. Ему было нелегко встретиться с тремя новыми друзьями. Но теперь, когда Сиранос был мертв, мог ли он позволить себе просто сидеть и смотреть, как Курдак и Вера тоже умирают? Он не мог! Просто не было никакой возможности!

Внезапно он начал много думать о том, как хорошо эти трое относились к нему, как он пообещал в ту ночь никогда не отпускать своих трех с трудом заработанных друзей, как ему было больно, когда умер старик, и когда он узнал, что Эйрин ушла, каково это быть одному. То чувство пустоты, в котором даже отчаянию не находилось места, которое заставляло его чувствовать себя ходячим трупом... он начал вспоминать, когда старик рассказал ему о "выигрыше" и "потере".

Тогда ему было всего десять лет.

Старик сказал ему хриплым голосом: "Каждый выигрыш сопровождается потерей, и наоборот. Когда ты молишь о деньгах других, ты теряешь свою гордость и самоуважение, в то же время ты получаешь монету».

Старик сказал это, поклонившись человеку, который только что бросил ему монету.

Лейген думал о потере своего друга. Что он получил взамен? Только боль и одиночество. Это были вещи, которые он пробовал последние пятнадцать лет.

«Достаточно» - решил он. Почему он всегда терял то, что хотел, и получал то, чего не желал?

Глядя на себя, он увидел, что уже потерял все. Что он должен сделать, чтобы вернуться в то время, когда он радовался, к друзьям, которые принесли ему радость, и команде, которая заставила его чувствовать, что он принадлежал к чему-то значительному?

Что бы он обменял на это? Что ему пришлось обменять на это? Его жизнь, конечно же!

Поскольку у меня больше ничего не осталось, я поставлю на кон свою жизнь! Это единственное, что у меня еще есть, и единственное, что я могу положить на стол!

Однажды он дрался в куче мусора с бездомной собакой за кусок черствого хлеба. Теперь собака превратилась в орков. Они собирались съесть единственный хлеб, который у него остался. Он должен был бороться, чтобы сохранить его, не было никаких сомнений, он должен был бороться.

«Я ненавижу бездомных собак, которые отбирают мой хлеб больше всего. Пусть они все умрут!»

В этот момент всплыла коварная улыбка, неподобающая детскому лицу. Его темно-синие глаза стали черными. Волна черного импульса хлынула из его тела. Он полностью потушил близлежащее пламя.

Он спокойно проверил свою экипировку и бросился в направлении Курдака.

<http://tl.rulate.ru/book/12896/286450>